

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 29–35.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 3 (84):29–35.

Научная статья

УДК 94(47).084.5

DOI 10.37724/RSU.2024.84.3.004

Хозяйственный кризис 1924–1925 годов и его влияние на аграрную политику в советской деревне

Александр Станиславович Соколов

Рязанский государственный радиотехнический университет
имени В. Ф. Уткина, Рязань, Россия
falcon140770@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного исследования российского крестьянства в период подъема новой экономической политики. Рассматриваются причины и последствия экономического кризиса 1924–1925 годов, вызванного неурожаем и хлебозаготовками. Особое внимание обращается на настроения населения в связи с голодом в отдельных районах страны. Источниковой базой послужили опубликованные документы, материалы периодической печати, архивные документы, характеризующие отношения деревни к новой власти в условиях хозяйственного кризиса указанного периода. Анализируются мероприятия правительства, направленные на борьбу с кризисом и предотвращением взрыва политического недовольства крестьян. Помощь государства способствовала росту доверия крестьянства к советской власти. Отмечается, что источником промышленной модернизации, начавшейся с середины 1920-х годов, стало изъятие материальных средств за счет крестьян.

Ключевые слова: аграрная политика, голод, крестьянство, неурожай, общественные настроения, хлебозаготовительный кризис.

Для цитирования: Соколов А. С. Хозяйственный кризис 1924–1925 годов и его влияние на аграрную политику в советской деревне // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 3 (84). С. 29–35. DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.004.

Original article

The economic crisis of 1924–1925 and its impact on Soviet agrarian policy in the countryside

Aleksandr S. Sokolov

Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin, Ryazan, Russia
falcon140770@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the need for a comprehensive study of Russian peasantry in the period of the new economic policy (NEP). The paper looks into the causes and consequences of the economic crisis of 1924–1925 caused by low crop and failures of grain procurements. Particular attention is paid to the attitudes of the peasant population due to famine in certain areas. Our sources are based on previously published documents, periodicals, and archival documents characterizing the attitude of the village residents to the new government, in the conditions of the economic crisis. The article analyses the government's measures aimed at combating the crisis and preventing an explosion of political discontent among the peasants. The adopted state assistance contributed to the growth of confidence of the peasantry in the Soviet government. It is noted that the source of industrial modernization, which began in the mid-1920s, was seizure of material resources from the peasants.

Keywords: agrarian policy, famine, peasants, low crops, public sentiment, grain procurement crisis.

For citation: Sokolov A. S. The economic crisis of 1924–1925 and its impact on Soviet agrarian policy in the countryside. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 3 (84):29–35. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.84.3.004.

Введение

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес современных исследователей к проблемам социальной истории России. Можно согласиться с мнением, что по-прежнему остается актуальным исследование конкретных голодных лет в истории России, особенно на региональном уровне (см.: [Кондрашин, Корнилов, 2021, с. 6–13]). Первое послереволюционное десятилетие было периодом значительной социально-экономической трансформации российской деревни. Период новой экономической политики в этом контексте характеризуется определенной двойственностью: с одной стороны, восстановление рыночных отношений, с другой — плановое регулирование, связанное с подготовкой к мероприятиям «великого перелома». Середина 1920-х годов — это период подъема нэпа. В это время проходила кампания по оживлению Советов, была успешно завершена финансовая реформа, был введен единый денежный налог. Однако на экономическую ситуацию в деревне сильно повлиял недород 1924–1925 годов.

Основная часть

В 1924 году в 24 губерниях СССР был плохой урожай. Засуха весной и летом поставила страну перед очередным продовольственным кризисом. С опасностью недорода столкнулись города и села Черноземного и Нечерноземного регионов. В числе пострадавших территорий оказались Республика немцев Поволжья, Кабардино-Балкарская область, Сталинградская и Астраханская губернии и ряд уездов в губерниях и областях Самарской, Саратовской, Воронежской, Донской, Тверской, Ставропольской. Численность пострадавшего населения в этих местностях равнялась 7 810 тыс. человек. Это было меньшее количество населения по сравнению с голодом 1921 года. Неурожай был особенно значительным в Поволжье и Предкавказье. Так, в двух уездах Саратовской губернии гибель посевов достигла 70–78 % посевной площади, в Астраханской — 84 %, и в двух округах Донской области — 70–80 % (см.: [СССР ... , 1926, с. 244]). Население пострадавших районов, в памяти которого не изгладились ужасы голода 1921 года, в значительной своей части поддалось паническим настроениям.

Такое положение поставило перед правительством вопрос об оказании реальной и быстрой помощи пострадавшим районам. 2 июля 1924 года правительство обратилось к населению с сообщением о том, что страна имеет возможность сохранить полностью посевную площадь в районах, охваченных засухой. В июне 1924 года Советом народных комиссаров была организована правительственная комиссия по борьбе с последствиями неурожая под председательством Рыкова. В состав комиссии вошли представители наркоматов, ЦСУ, Верховного суда СССР: Смирнов, Винокуров, Красин, Крылов, Лежава, Петровский, Попов, Свидерский, Фрумкин и Халатов. Перед комиссией были поставлены следующие задачи: установление районов, наиболее пострадавших от неурожая; принятие мер по оказанию таким районам своевременной помощи; выработка плана работы с последствиями неурожая; принятие мер к изысканию необходимых средств и распоряжение суммами, ассигнуемыми правительством на борьбу с последствиями неурожая. С июля 1924 года по март 1925 года было проведено 26 заседаний комиссии (см.: [Зима, 2019, с. 58]). На первом заседании комиссии прозвучал доклад Красина о восстановлении и развитии торговли хлебом. Было принято решение завезти хлеб в неурожайные губернии в целях торговли хлебом и понижения цен.

В начале августа комиссия под председательством Рыкова заслушала доклад Моргунова о размере помощи, которую могут оказать общественные организации. Докладчик сообщил, что различные общественные организации для помощи пострадавшим от неурожая могут выделить 3 636 тыс. руб. (см.: [Экономическая жизнь, 1924, № 255]). Через неделю комиссия заслушала доклад Попова об агрономических мероприятиях по борьбе с засухой, разработанных наркоматом земледелия и утвержденных Госпланом. Было признано важным проведение комбинированных мероприятий (мелиорация, агрокультура) по борьбе с засухой (см.: [Там же, № 261]).

Правительственная комиссия с самого начала своей работы встала на путь привлечения к оказанию помощи пострадавшим районам различных организаций советской общественности — коопераций, Российского общества Красного Креста, крестьянских комитетов взаимопомощи, а также широкой массы крестьянского населения. Линия правительственной политики была направлена на то, чтобы крестьянство в этой кампании являлось не только объектом правительственной помощи, но и активным участником в общей работе по изысканию и распределению средств и по проведению мероприятий, обеспечивающих сохранение сельского хозяйства на достигнутом уровне.

Недород 1924 года привел к снижению валовых сборов хлеба, и это не замедлило скакаться на рыночной конъюнктуре. К концу года стали расти хлебные цены и в целом сельскохозяйственные цены. Под их влиянием с ноября 1924 года начался рост общего индекса цен на 2–4 % в месяц (см.: [Голанд, 1998, с. 101]). Рост цен на хлеб не остановила хлебная «интервенция», предпринятая государством в неурожайных районах в целях понижения стоимости продукта, а также не компенсировал обильный сбор технических культур (см.: [Суворова, 2013, с. 184]). Сложившаяся ситуация вызвала беспокойство у руководителей финансовой политики, которые опасались, что растущие цены могут ослабить доверие к червонцу. В январе для борьбы с подорожанием хлеба власти пошли на сокращение денежной массы на 4 %, но идти дальше таким путем, сильно сжимать кредит не решились, поскольку это могло негативно сказаться на развитии промышленности и торговли.

В конце 1924 года замечались неблагоприятные явления и на рынке промышленных изделий: уже на некоторых его участках наблюдалось «бестоварье» (см.: [Юровский, 2008, с. 411]). Улучшившиеся благодаря реформе хозяйственные связи между городом и деревней, рост промышленного производства и торговых оборотов, расширенные эмиссионные возможности, вызванные самой стабилизацией валюты в начале 1924 года, — все это позволило поддержать покупательную силу рубля на сравнительно устойчивом уровне.

Неблагоприятное состояние урожая в некоторых районах страны стало определяющим моментом для настроения крестьянства этих регионов. По данным информационных сводок Государственного политического управления за лето-осень 1924 года, во всех охваченных неурожаем районах отмечалось паническое настроение населения. Неурожай 1924 года довел Тамбовскую губернию до голода. Валовый сбор хлебов в губернии в 1924 году составил всего 30 млн пудов (см.: [Есиков, 2010, с. 98]). Крестьяне распродали домашние вещи, запасаясь хлебом. Значительно возросли цены. Например, в Саратовской губернии повышение цен за несколько дней достигло 110 %. Одновременно, ввиду усиленного предложения на рынках скота, цены на него резко упали: так, цена коровы в Астраханской губернии опустилась до 20 руб. В конъюнктурном обзоре рязанского рынка за ноябрь 1924 года, составленном сотрудниками местной товарной биржи, указывалось, что «крестьянами подвоз ржи, ржаной муки, овса и сена едва удовлетворяет требованиям городского населения» [ГАРО. Ф. Р-823. Оп. 1. Д. 107. Л. 71]. В отдельных районах начался голод и массовое питание суррогатами. Явление голода было отмечено в Нагорном Карабахе, Акмолинской губернии. В Камышинском уезде Саратовской губернии голодало до 50 % населения (см.: [«Совершенно секретно» ... , 2001, с. 118, 145]). Из Республики немцев Поволжья сообщалось, что в связи с неурожаем крестьяне испытывали подавленное настроение, наблюдался массовый сбыт скота и переселение в другие регионы. По причине недорода происходило выселение из пределов губернии в Сибирь и на Кубань. Крестьяне говорили, что местные власти не заботятся о приобретении для них хлеба. Из-за неурожая усиливались религиозные настроения (см.: [Советская деревня ... , 2000, с. 231–232]). Правительством были проведены срочные мероприятия по сохранению скота, оказанию медицинской и продовольственной помощи пострадавшему населению. На продовольственную помощь правительством было отпущено 12 млн руб. (см.: [СССР ... , 1926, с. 250]). Недород обошелся советскому правительству в 108 млн руб. (см.: [Телицын, 2001, с. 283]).

Тревожные сигналы о положении советской деревни потребовали от руководства страны разработать принципиально новую политику, касающуюся советской деревни. Партийной элитой подразумевалась руководящая роль рабочего класса по отношению к крестьянству. С осени 1924 года предпринимаемые меры составили важную часть кампании «лицом к деревне» и существенно сказались на политической атмосфере в стране. Практические меры включали в себя

проведение политики восстановления законности и правопорядка, оживление Советов, укрепление позиций деревенских партийных ячеек. В октябре 1924 года пленум ЦК подчеркнул важность задачи оживления Советов в деревне (см.: [Гимпельсон, 2004, с. 141]). Широкая пропаганда мер по проведению нового курса и некоторые его итоги позволили руководству страны избежать взрыва политического недовольства крестьян. Впрочем, деревня восприняла лозунг «лицом к деревне» как «поправение» и слабость политической власти, поэтому этот курс продолжался до 1925 года. Восстановление сельской экономики к середине 1920-х годов вызвало у власти тревогу по поводу усиления «кулацкой опасности» (см.: [Кудюкина, 2013, с. 358]). Однако в указанный период центральной фигурой российской деревни оставалась беднота (см.: [Ильиных, 2018, с. 131]).

Сокращение налоговых платежей в 1925 году улучшило положение крестьянства (см.: [Суворова, 2013, с. 184]). В целях поддержки крестьянских хозяйств в ноябре 1925 года были снижены ставки по сельскохозяйственному кредиту: краткосрочный — на срок до 1 года под 6 % годовых; долгосрочный — на срок до 5 лет под 10 % годовых (см.: [Лихолет, 2018, с. 80]). Увеличивался срок аренды земли, облегчались условия найма рабочей силы, снимались ограничения для участия зажиточных крестьян в кооперативах (см.: [Давыдов, 2021, с. 119]). Тем не менее ситуация на местах оказалась более сложной: сказывались последствия неурожая. По данным Рязанской товарной биржи, в феврале 1925 года продолжавшийся рост цен на сельскохозяйственные товары неблагоприятно влиял на конъюнктуру промышленных товаров, так как всякое повышение хлебных цен сокращало покупательную способность на рынке промышленных товаров [ГАРО. Ф. Р-823. Оп. 1. Д. 107. Л. 150]. Информационные сводки сообщали, что в пищу шли суррогаты, крестьяне в массовом масштабе продавали скот или меняли его на хлеб. Козловский уездный комитет РКП(б) 20 марта 1925 года сообщал в Тамбовский губернский комитет: «В уезде голод. Собранного зерна не хватает до следующего урожая» (см.: [Есиков, 2010, с. 99]). В феврале количество питавшихся суррогатами в АССР немцев Поволжья доходило до 60 %. На почве голодовки и питания суррогатами отмечался рост заболеваний и опуханий. Из Воронежской губернии информировали, что из-за неустойчивости погоды крестьяне теряют надежду на урожай озимых (см.: [«Совершенно секретно» ... , 2001, с. 122, 143]). Впоследствии оценивая хозяйственную конъюнктуру, журнал «Большевик» подчеркивал, что «резкие изменения прошедшей зимы внушали серьезную тревогу за судьбу урожая» (см.: [Голендо, 1925, с. 42]).

В 1925 году урожай хлебов был неплохим. В июле того же года Сталин в письме к Молотову отмечал: «Были у меня ростовские ребята. Выясняется, что валовый сбор урожая в этом году приближается к цифре 500 миллионов пудов, т. е. рекордной цифре 1914 г. (я говорю о Юговостоке)» (см.: [Письма И. В. Сталина ... , 1995, с. 30]). Улучшилось продовольственное обеспечение города, выросли денежные доходы крестьянства: если в 1924–1925 годах от реализации хлеба оно выручило 277 млн руб., то в следующем году — уже 460 млн (см.: [Белоусов, 1999, с. 399]).

Реализация хорошего урожая 1925 года создала уникальную ситуацию на хлебном рынке, когда вместо ожидаемого понижения цен они возросли. Хлебозаготовительная кампания сопровождалась конкуренцией частных заготовителей с частным скупщиком, который использовал недостаток хлеба в потребляющих районах. Крестьяне, реализуя сырьевые культуры для уплаты сельхозналога, сдерживали предложение хлеба (см.: [Суворова, 2013, с. 185]). Это срывало и план хлебозаготовок, и план хлебного экспорта. Начиная с середины июля экспортный план менялся каждый месяц (см.: [Кузин, 2010, с. 380]). Сложилась ситуация, при которой немалоимущие слои продавали хлеб по низким ценам, а зажиточные — по высоким. Рост цен стал угрожать хлебному экспорту (см.: [Телицын, 2002, с. 273]). Государство было вынуждено пойти на дополнительные расходы для закупки необходимого количества хлеба. Выделение дополнительных средств не могло не отразиться на напряженном государственном бюджете. Позже, характеризуя хлебозаготовительную кампанию 1925 года, народный комиссар финансов Г. Я. Сокольников отмечал, что «план хлебозаготовок оказался преувеличенным, что хлебозаготовители выскочили на рынок в слишком большом количестве, что они набрасывались на каждого мужика, который ехал с каким-нибудь кулем в телеге, что была принята неправильная система финансирования... которая дала хлебозаготовителям слишком много денег сразу, и они вышли на рынок с 10 млн рублей, когда на рынке хлеба не было» (цит. по: [Соколов, 2005, с. 197]). Говоря о последствиях такой политики и влиянии неурожая, Г. Я. Сокольников подчер-

квивал, что «сокращение экспорта вследствие полного выпадения хлебного экспорта привело к необходимости затратить некоторую часть золотого запаса для расширения ввоза... В целом ряде районов крестьянское хозяйство потерпело жестокий урон, и Советское государство должно было затратить около 100 миллионов рублей для борьбы с последствиями неурожая» [Сокольников, 2006, с. 168].

Заключение

В сентябре 1925 года в деревне все более ощущался товарный голод, выразившийся в отсутствии наиболее ходовых товаров. В этой ситуации было принято решение применить административные методы регулирования цен. Административным снижением заготовительных цен государство пыталось уменьшить покупательный фонд крестьянства, чтобы ослабить товарный голод в деревне. Директивное снижение цен для плановых заготовителей в сентябре-октябре 1925 года привело к сокращению плановых заготовок и росту заготовок неплановых заготовителей. Однако в дальнейшем на внеплановые государственные и кооперативные организации были распространены те же регулирующие меры, что и на плановые. Они должны были вести заготовку по тем же ценам, не переплачивая крестьянам. Государственные заготовки провалились. Вместо запланированного экспорта хлеба его пришлось возить. Хлебозаготовительный кризис 1925 года стал следствием не только низких цен на зерно: нежелание крестьян продавать хлеб государству было одним из проявлений их протеста, вызванного нарушением «революционной законности» (см.: [Гимпельсон, 2004, с. 147]).

Завершение восстановления сельского хозяйства (в 1925 году посевные площади достигли 94 % довоенных), повышение платежеспособности деревни и возросший в связи с этим спрос на промышленную продукцию сделали необходимым расширение промышленного производства (см.: [Суворова, 2013, с. 186]). Строительство предприятий тяжелой индустрии и военной промышленности требовало дополнительных валютных ассигнований, получить которые было возможно за счет форсирования экспорта хлеба. Решение этой государственной задачи во второй половине 1920-х годов реализовывалось путем изъятия материальных средств за счет крестьян.

Список источников

1. Белоусов Р. А. Экономическая история России: XX век. — М. : ИздАТ, 1999. — Кн. 2. — 424 с.
2. Гимпельсон Е. Г. Новая экономическая политика Ленина-Сталина. Проблемы и уроки (20-е годы XX века). — М. : Собр., 2004. — 304 с.
3. Голанд Ю. Кризисы, разрушившие НЭП. Валютное регулирование в период НЭПа. — М. : Фонд экон. кн. «Начала», 1998. — 154 с.
4. Голендо М. Урожай 1925 г. и перспективы его реализации // Большевик. — 1925. — № 15. — С. 40–53.
5. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). — Ф. Р-823. — Оп. 1. — Д. 107. — Л. 71, 150.
6. Давыдов А. Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929). — СПб. : Евразия, 2021. — 317 с.
7. Есиков С. А. Российская деревня в годы нэпа: к вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). — М. : РОССПЭН, 2010. — 244 с.
8. Зима В. Ф. Продовольственная проблема в СССР на первом этапе новой экономической политики в 1921–1925 гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. — 2019. — № 3 (51). — С. 51–66.
9. Ильиных В. А. Социальная мобильность российского крестьянства в конце 1910-х — 1920-е гг.: критерии, тенденции, факторы // Уральский исторический вестник. — 2018. — № 4. — С. 128–134.
10. Кондрашин В. В., Корнилов Г. Е. История голода и эпидемий в России: историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. — 2021. — № 1. — С. 6–13.
11. Кудюкина М. М. Политика «лицом к деревне»: пропаганда и реальность // Государственная власть и крестьянство в XIX— начале XXI века : сб. ст. — Коломна : Изд-во МГОСГИ, 2013. — С. 356–360.
12. Кузин В. Н. Продовольственная безопасность страны и хлебный экспорт в период нэпа: историко-правовой аспект // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. Право. — 2010. — Вып. 3 (83). — С. 377–383.
13. Лихолет О. В. Кредитная политика середины 1920-х годов и развитие крестьянского хозяйства (на материалах Нижнего Поволжья) // Современная научная мысль. — 2018. — № 4. — С. 78–82.

14. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. — М. : Рос. молодая, 1995. — 303 с.
15. «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) : сб. докл. : в 10 т. — М. : ИРИ РАН, 2001. — Т. 3 : 1925 г. — Ч. 1. — 495 с.
16. Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД : док. и материалы : в 4 т. / под ред. А. Береловича, В. Данилова. — М. : РОССПЭН, 2000. — Т. 2 : 1923–1929 гг. — 1168 с.
17. СССР. Год работы правительства : материалы к отчету за 1924–1925 бюджетный год / под общ. ред. Н. П. Горбунова, А. В. Стоклицкого. — М. : Бюро печати и информ. СНК и СТО СССР, 1926. — 876 с.
18. Соколов А. С. Финансовая политика Советского государства. 1921–1929 гг. — М. : Звездапад, 2005. — 359 с.
19. Сокольников Г. Я. Финансовая политика революции. — М. : О-во купцов и промысл. в России, 2006. — Т. 2. — 507 с.
20. Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. — М. : АИРО-XXI, 2013. — 303 с.
21. Телицын В. Л. НЭП, 1924–1926 годы: «Лицом к деревне» или спиной к крестьянству // Нэп в контексте исторического развития России XX века. — М. : ИРИ РАН, 2001. — С. 280–300.
22. Телицын В. Л. «Лицом к деревне» и лицо деревни // Россия нэповская. — М. : Нов. хронограф, 2002. — С. 208–229.
23. Экономическая жизнь : ежедн. газ. — 1924. — № 255, 8 авг. ; № 261, 14 авг.
24. Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917–1927) : избр. ст. — М. : Экономика, 2008. — 592 с.

References

1. Belousov R. A. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii: XX vek* [Economic history of Russia: 20th century]. Moscow, Izdat Publ., 1999, bk. 2, 424 p. (In Russian).
2. Gimpelson E. G. *Novaya ekonomicheskaya politika Lenina-Stalina. Problemy i uroki (20-ye gody XX veka)* [New economic policy of Lenin and Stalin. Issues and lessons (1920s)]. Moscow, Sobraniye Publ., 2004, 304 p. (In Russian).
3. Goland Yu. *Krizisy, razrushivshiyе NEP. Valyutnoye regulirovaniye v period NEPa* [The crises that destroyed the NEP policy. Currency regulations during the NEP period]. Moscow, Fund of economy books “Nachala” Publ., 1998, 154 p. (In Russian).
4. Golendo M. The 1925 harvest crops and prospects for their usage. *Bolshevik* [Bolshevik]. 1925, iss. 15, pp. 40–53. (In Russian)
5. *Gosudarstvennyy arkhiv Ryazanskoй oblasti (GARO)* [State Archives of the Ryazan Region (GARO)]. F. R-823. Op. 1. D. 107. L. 71, 150. (In Russian).
6. Davydov A. Yu. *Novaya ekonomicheskaya politika: vlast, narod, khozyaystvo v poslerevolyutsionnoy Rossii (1921–1929)* [The New Economic Policy: Power, People, Economy in Post-Revolutionary Russia (1921–1929)]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2021, 317 p. (In Russian).
7. Yesikov S. A. *Rossiyskaya derevnya v gody NEPa: k voprosu ob alternativakh stalinskoy kollektivizatsii (po materialam Tsentralnoy Chernozemya)* [Russian countryside during the NEP years: on alternatives to Stalin’s collectivization (based on materials from the Central Black Earth Region)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 244 p. (In Russian).
8. Zima V. F. Food problem in the USSR at the first stage of the New Economic Policy in 1921–1925. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki. Istoriya* [News of higher educational institutions. Volga region. Humanities. History]. 2019, iss. 3 (51), pp. 51–66. (In Russian).
9. Ilyinykh V. A. Social mobility of the Russian peasantry in the late 1910s–1920s: criteria, trends, factors. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2018, iss. 4, pp. 128–134. (In Russian).
10. Kondrashin V. V., Kornilov G. E. History of famine and epidemics in Russia: historiographic situation. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin]. 2021, iss. 1, pp. 6–13. (In Russian).
11. Kudryukina M. M. “Face the Village” Policy: Propaganda and Reality. *Gosudarstvennaya vlast i krestyanstvo v XIX — nachale XX veka: sb. st.* [State authority and the peasantry in the 19th — early 21st Century: coll. of articles]. Kolomna, Moscow State Institute of Geography Publ., 2013, pp. 356–360. (In Russian).
12. Kuzin V. N. National food security and grain export during the NEP period: historical and legal aspects. *Vestnik TGU. Gumanitarnyye nauki. Pravo* [Bulletin of TSU. Humanities. Law]. 2010, iss. 3 (83), pp. 377–383. (In Russian).
13. Likholet O. V. Credit policy of the mid-1920s and the development of peasant farming (based on materials of the Lower Volga region). *Sovremennaya nauchnaya mysl* [Modern scientific thought]. 2018, iss. 4, pp. 78–82. (In Russian).

14. *Pisma I. V. Stalina V. M. Molotovu. 1925–1936 gg.* [I. V. Stalin's letters to V. M. Molotov. 1925–1936]. Moscow, Rossiya moloidaya Publ., 1995, 303 p. (In Russian).
15. “*Sovershenno sekretno*”: *Lubyanka — Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.): sb. dokl.: v 10 t.* [“Top Secret”: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922–1934): coll. of reports: in 10 vols.]. Moscow, Institute of Russian History Publ., Russian Academy of Sciences Publ., 2001, vol. 3: 1925, pt. 1, 495 p. (In Russian).
16. *Sovetskaya derevnya glazami VCHK — OGPU — NKVD: dok. i materialy: v 4 t.* [Soviet village through the eyes of the Cheka — OGPU — NKVD: doc. and materials: in 4 vols.]. Ed. by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow, ROSSPEN Publ., 2000, vol. 2: 1923–1929, 1168 p. (In Russian).
17. *SSSR. God raboty pravitelstva: materialy k otchetu za 1924–1925 byudzhetnyy god* [USSR. The Government's Year of Work: Materials for the Report for the 1924–1925 Budget Year]. Ed. by N. P. Gorbunov, A. V. Stoklitsky. Moscow, Bureau of Printing and Information. Council of People's Commissars and Council of Defense of the USSR Publ., 1926, 876 p. (In Russian).
18. Sokolov A. S. *Finansovaya politika Sovetskogo gosudarstva. 1921–1929 gg.* [Financial Policy of the Soviet State. 1921–1929]. Moscow, Zvezdopad Publ., 2005, 359 p. (In Russian).
19. Sokolnikov G. Ya. *Finansovaya politika revolyutsii* [Financial policy of the revolution]. Moscow, O-vo kuptsov i promyshl. v Rossii Publ., 2006, vol. 2, 507 p. (In Russian).
20. Suvorova L. N. *Nepovskaya mnogoukladnaya ekonomika: mezhdru gosudarstvom i rynkom* [NEP multi-structure economy: between the state and the market]. Moscow, AIRO-XXI, 2013, 303 p. (In Russian).
21. Telitsyn V. L. NEP, 1924–1926: “Facing the Village,” or with the back to the peasants. *NEP v kontekste istoricheskogo razvitiya Rossii XX veka* [NEP in the context of the historical development of Russia in the 20th century]. Moscow, IRI RAS Publ., 2001, pp. 280–300. (In Russian).
22. Telitsyn V. L. “Facing the Village” and the Face of the Village. *Russia nepovskaya* [NEP Russia]. Moscow, Novy Khronograf Publ., 2002, pp. 208–229. (In Russian).
23. *Ekonomicheskaya zhizn: yezhedn. gaz.* [Economic life: daily newspaper]. 1924, iss. 255, Aug., 8; iss. 261, Aug., 14. (In Russian).
24. Yurovsky L. N. *Denezhnaya politika Sovetskoy vlasti (1917–1927): izbr. st.* [Monetary policy of the Soviet government (1917–1927): selected articles]. Moscow, Ekonomika Publ., 2008, 592 p. (In Russian).

Информация об авторе

Соколов Александр Станиславович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета имени В. Ф. Уткина.

Сфера научных интересов: история России XX века, экономическая история, история финансов, региональная история.

Information about the author

Sokolov Aleksandr Stanislavovich — doctor of history, head of the Department of History, Philosophy and Law of the Ryazan State Radio Engineering University named after V. F. Utkin.

Research interests: history of Russia in the 20th century, economic history, history of finance, regional history.

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; принята к публикации 11.06.2024.

The article was submitted 15.03.2024; accepted for publication 11.06.2024.